

Agatha Christie
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

**Агата
Кристи**

Слоны умеют помнить

Эркюль Пуаро

Агата Кристи

Слоны умеют помнить

1972

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кристи А.

Слоны умеют помнить / А. Кристи — 1972 — (Эркюль Пуаро)

ISBN 978-5-699-92340-3

«Так кто же кого убил?» Именно таким вопросом задается писательница Ариадна Оливер. Но на сей раз этот вопрос связан не с сюжетом нового романа, а с реальным преступлением из ее собственного прошлого. Ариадне не дает покоя загадочная смерть супружеской пары, ее друзей, случившаяся двенадцать лет назад. Тогда эту трагедию посчитали двойным самоубийством. Но миссис Оливер полагает иначе... И тогда она обращается за помощью к своему давнему знакомому, великому сыщику Эркюлю Пуаро. Дело чрезвычайно заинтересовало неугомонного бельгийца, и он сразу берется за него. Для Пуаро давнее преступление не потеряло своей актуальности, ибо он знает из собственного опыта: убийства, как и история, имеют неприятное свойство повторяться...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92340-3

© Кристи А., 1972

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Книга I	23
Глава 3	23
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Агата Кристи

Слоны умеют помнить

Посвящается Молли Майерс в ответ на многие любезности

* * *

Agatha Christie
Elephants can remember

Copyright © 1972 Agatha Christie Limited. All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved.

© Кононов М.П., перевод на русский язык, 2014

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Глава 1

Литературный ленч

Миссис Оливер посмотрелась в зеркало. Краем глаза взглянув на часы на камине, которые, по ее смутным подозрениям, отставали минут на двадцать, она вернулась к изучению своей прически.

Беда миссис Оливер была в том – и сама она признавала это, – что стиль ее прически постоянно менялся. Она перепробовала по очереди почти все: и строгую высокую «помпадур», и развевающуюся с зачесанными назад волосами, чтобы открыть интеллектуальный лоб – по крайней мере, она надеялась, что интеллектуальный. Пробовала миссис Оливер и тугие завитки, и нечто вроде артистического беспорядка. Однако ей пришлось признать, что сегодня стиль прически не так важен, поскольку сегодня она собиралась сделать то, что совершала очень редко, – надеть шляпку.

На верхней полке платяного шкафа у миссис Оливер лежали четыре шляпки. Одна определенно предназначалась для свадеб. Когда идешь на свадьбу, шляпка – обязательный атрибут. Однако даже на этот случай миссис Оливер держала две. Одна, в круглой коробке, была с перьями. Она плотно сидела на голове и могла прекрасно противостоять внезапному ливню, если тот неожиданно начнется, пока идешь из машины под своды церкви или, как нынче часто бывает, в бюро регистраций.

Другая, более замысловатая, была определенно для свадеб, справляемых в субботний летний день. На ней были цветы, и шифон, и легкая желтая сетка с закрепленной на ней мимозой. Остальные две шляпки на полке были более универсального характера. Одну миссис Оливер называла своей дачной шляпкой – она была из желтовато-коричневого фетра, хорошо идущего к твидовым костюмам почти любого фасона и с подходящими полями, которые можно было загнуть как вверх, так и вниз.

У миссис Оливер был теплый кашемировый пуловер, и пуловер полегче для жарких дней; оба по цвету подходили к этой шляпке. Однако, хотя эти пуловеры она надевала часто, шляпку – практически никогда. Потому что, в самом деле, зачем надевать шляпку, когда просто едешь за город пообедать или поужинать с друзьями?

Четвертая шляпка была самая дорогая из всех и имела необычайное преимущество перед другими. Вероятно, иногда думала миссис Оливер, дело в ее дороговизне. Она представляла собой некое подобие тюрбана, состоящего из нескольких слоев бархата разных цветов, но непременно подходящих пастельных оттенков, и подходила к любой одежде.

Постояв в сомнении, миссис Оливер обратилась за помощью.

– Мария, – позвала она, а потом повторила громче: – Мария! Подойди на минутку.

Пришла Мария. Она привыкла, что у нее спрашивают совета, когда миссис Оливер раздумывает, что надеть.

– Собираетесь надеть вашу прелестную, изящную шляпку, да? – сказала Мария.

– Да, – ответила миссис Оливер. – Я хотела узнать, как ты думаешь, она будет выглядеть лучше так или наоборот?

Мария отшагнула назад и посмотрела.

– Ну, вы же надели ее задом наперед, не правда ли?

– Да, я знаю, – сказала миссис Оливер. – Я прекрасно знаю. Но я подумала, что так она почему-то смотрится лучше.

– Ой, с чего бы это? – удивилась Мария.

– Ну, наверное, так и было задумано... Должно быть, я так задумала, когда покупала, как и продавец, когда продавал.

– Почему вы думаете, что наоборот лучше?

– Потому что так получается милый оттенок голубого и темно-коричневого, и, по моему, так смотрится лучше, чем с зеленым, красным и шоколадным цветом. – С этими словами миссис Оливер сняла шляпку, снова примерила ее задом наперед, потом правильно – и боком. Последний вариант она и Мария безоговорочно забраковали.

– Ее нельзя носить широкой частью вперед. То есть это не идет к вашему лицу, верно? Так не пойдет ни к какому лицу.

– Да, не пойдет. Думаю, в конечном итоге придется надеть ее правильным образом.

– Ну, я думаю, это всяко безопаснее, – сказала Мария.

Миссис Оливер сняла шляпку. Мария помогла ей надеть хорошо скроенное тонкое шерстяное платье деликатного красно-коричневого цвета и помогла пристроить на голове шляпку.

– Вы выглядите так изящно, – сказала она.

Вот это и нравилось миссис Оливер в Марии. Если выдавался малейший повод, она всегда одобряла и хвалила.

– Собираетесь произнести спич за ленчем? – спросила Мария.

– Спич! – ужаснулась миссис Оливер. – Нет, конечно нет. Ты же знаешь, я никогда не произношу речей.

– Ну, мне казалось, на литературных ленчах всегда произносят спичи. Вы для этого и собираетесь, разве нет? Знаменитые писатели тысяча девятьсот семьдесят третьего – или какой у нас нынче год?

– Мне нет нужды произносить спич, – сказала миссис Оливер. – Их будут произносить другие, кто это любит, и у них это получится гораздо лучше.

– Я уверена, вы произнесете прекрасный спич, если возьметесь за это, – ответила Мария, примеряя на себя роль искусительницы.

– Нет, не стоит, – сказала миссис Оливер. – Я знаю, что я могу, а чего не могу. Я не умею произносить спичи. Сразу вся разволнуюсь, стану нервничать и, наверное, начну заикаться или повторю что-нибудь два раза. И не только почувствую себя дурочкой, но, наверное, и выглядеть буду такой. Теперь со словами нет проблем. Можно их записать, или наговорить в машину, или продиктовать. Я умею обращаться со словами, если знаю, что не произношу спич.

– Ну что ж, надеюсь, все пройдет прекрасно. Я уверена, что так и будет. Будет великолепный ленч, верно?

– Да, – сказала миссис Оливер в глубоком унынии. – Ленч будет великолепный.

«И зачем, – подумала она, но не сказала, – зачем, чего ради я иду на него? – Она немного порылась в мыслях, потому что всегда любила понимать, что делает, а не делать сначала и потом удивляться, зачем это сделала. – Наверное, – сказала она, снова себе, а не Марии, которой пришлось вернуться на кухню в некоторой спешке, вызванной запахом убежавшего варенья, которое она оставила на плите. – Я хотела узнать, каково это. Меня всегда просят прийти на литературный ленч или что-то подобное, а я никогда не хожу».

* * *

После великолепного ленча миссис Оливер приступила к сладкому и с удовлетворенным вздохом поигралась с остатками меренг на тарелке. Она имела особое пристрастие к меренгам, и это было прелестное сладкое на очаровательном ленче. Тем не менее, когда достигаешь среднего возраста, с меренгами нужно быть осторожнее. Зубы! Они прекрасно выглядят, и их большое достоинство в том, что они никогда не болят, они белые и совсем как настоящие. Но все-таки не совсем настоящие. А зубы, даже настоящие – или так считала

миссис Оливер, – на самом деле не из первоклассного материала. У собак, она всегда так полагала, зубы из настоящей слоновой кости, а у человеческих существ – просто из кости. А если это искусственные зубы, то они из пластика. В любом случае не следует рисковать втянуться в эдакое постыдное представление, в которое тебя могут втянуть искусственные зубы. Латук вызывает трудности, и соленый миндаль, и такие штуки, как шоколад с твердым ядром, и вязкая карамель, и вкуснейшие вязкие и липкие меренги... С удовлетворенным вздохом она проглотила последний кусочек. Это был хороший ленч, очень хороший ленч.

Миссис Оливер любила себя побаловать. Ленч ей очень понравился. И также ей понравилась компания. На собрание, устроенное в честь знаменитой писательницы, слава богу, пришли не только ее сестры по перу. Были и другие писатели, критики, а кроме тех, кто пишет книги, также и те, кто их читает. Миссис Оливер сидела между двумя очаровательными представителями мужского пола.

С одной стороны сидел Эдвин Обин, чьи стихи она всегда любила, и к тому же он был чрезвычайно занимательный человек, который в своих заграничных поездках попадал в разные захватывающие истории и пережил разнообразные литературные и личные приключения. Его также интересовали рестораны и что там подают, и они прекрасно поболтали о еде, оставив вопросы литературы в стороне.

Сэр Уэсли Кент с другой стороны от нее тоже был приятным собеседником. Он наговорил много хорошего про ее книги и к тому же имел такт говорить так, чтобы не смущать ее, что делают столь многие, сами того не замечая. Мистер Кент находил одну-две причины, почему ему понравилась та или иная книга, и это были правильные причины, и потому миссис Оливер благожелательно отнеслась к его похвалам. «Похвалы от мужчин, – подумала она, – всегда приемлемы». Это женщины были неискренни. Что ей писали женщины! Вообще! Конечно, не только женщины, иногда и эмоциональные молодые мужчины из каких-то отдаленных стран. Только на прошлой неделе она получила забавное письмо, начинающееся такими словами: «Читая Вашу книгу, я понял, какая Вы, должно быть, необыкновенная женщина». Прочтя «Вторую золотую рыбку», он впал в невообразимый литературный экстаз, что, по мнению миссис Оливер, было совершенно неадекватно. Она не страдала избытком скромности. Ей казалось, что детективные истории, которые она пишет, вполне неплохи для такого сорта литературы. Некоторые были не так уж хороши, а некоторые – получше остальных. Но, насколько она могла видеть, не было причины считать ее необыкновенной женщиной. Ей просто повезло найти удачную манеру писания, которая многим нравится. «Просто чудесная удача», – подумала миссис Оливер.

Что ж, если подумать, она прошла через это испытание хорошо. Она нравилась сама себе и говорила с симпатичными людьми. Теперь все переместились туда, где подавали кофе и где можно было сменить партнеров и поболтать с кем-нибудь еще. Миссис Оливер прекрасно осознавала всю опасность этого момента. Вот теперь на нее набросятся женщины. Набросятся с чрезмерными похвалами, на которые она, как это ни печально, не умела правильно отвечать, потому что на самом деле на них и не могло быть правильных ответов. В действительности это напоминало разговорник для путешествия в чужую страну.

Вопрос:

– Должна вам сказать, как мне нравится читать ваши книги, какими чудесными они мне кажутся.

Ответ от смущенного автора:

– Что ж, очень любезно с вашей стороны. Я очень рада.

– Вы, конечно, понимаете, что я много месяцев ждала встречи с вами. Это действительно чудесно.

– О, очень мило с вашей стороны. Действительно очень мило.

И дальше в том же духе. И никто из участников разговора, похоже, не может сказать что-нибудь о других интересах. Приходится говорить о своих книгах или о книгах другой женщины, если знаешь, что за книги она написала. Попадаешь в литературную паутину и начинаешь барахтаться. Некоторые умеют с этим справляться, но миссис Оливер прекрасно и с горечью осознавала, что не имеет соответствующей способности. Одна ее иностранная подруга однажды подвергла ее испытанию, когда миссис Оливер была за границей в посольстве.

– Я слушаю вас, – сказала тогда Альбертина своим очаровательным низким иностранным голосом, – и удивляюсь. Я слушала, что вы говорили тому молодому человеку из газеты, который пришел взять у вас интервью. У вас нет – совсем нет! – гордости, которую вам подобает иметь в связи с вашей работой. Вы должны говорить: «Да, я пишу хорошо. Я делаю это лучше, чем кто-либо другой, пишущий детективы».

– Но это не так, – сказала тогда миссис Оливер. – Я пишу неплохо, но...

– О, не говорите, что это не так. Вы должны говорить, что это так, если даже сами так не думаете.

– Хорошо бы, Альбертина, – ответила миссис Оливер, – ты вместо меня отвечала тем журналистам, которые приходят ко мне. У тебя бы так хорошо получилось... Разве ты не можешь как-нибудь притвориться мной? А я бы послушала за дверью...

– Да, наверное, смогла бы. Это было бы довольно забавно. Но они поймут, что я не вы. Они знают вас в лицо. Однако вы должны говорить: «Да, да, я знаю, что я лучше всех прочих». Вы должны всем это говорить. Чтобы они знали. И они должны это провозгласить. О, как это ужасно – слышать, как вы тут сидите и говорите так, словно извиняетесь за то, какая вы есть... Так не должно быть.

Это выглядело так, будто она начинающая актриса, старавшаяся выучить свою роль, подумала миссис Оливер, а режиссер нашел ее безнадежно тупой, не понимающей основную идею. Что ж, во всяком случае, на этот раз не будет больших трудностей. Когда все встанут из-за стола, в холле будет несколько ожидающих женщин. В самом деле, она уже видела одну-двух, которые слонялись там. Это не будет очень трудно. Она пойдет, будет улыбаться, будет милой и скажет:

«Так любезно с вашей стороны. Я так рада. Как приятно узнать, что людям нравятся твои книги».

Все это старые банальности. Как будто засовываешь руку в ящик и вытаскиваешь полезные слова, уже выстроенные в нужном порядке, как нанизанные на нитку бусины. А потом, особенно не затягивая это дело, можно уйти.

Ее глаза обежали сидящих за столом, так как здесь, кроме притворных поклонников, мог оказаться и кое-кто из друзей. Да, в дальнем конце она увидела Морину Грант, очень забавную женщину. Момент настал, литературные женщины и сопутствующие мужчины, тоже присутствовавшие на ленче, встали и устремились к креслам, к кофейным столикам, диванам и укромным уголкам. Момент опасности, как часто называла его про себя миссис Оливер, хотя обычно это случалось на коктейлях, а не на литературных вечеринках, так как она редко посещала последние. В любой момент может возникнуть опасность в виде кого-то, кого ты не помнишь, но кто помнит тебя, или кого-то, с кем ты решительно не хочешь говорить, но от кого не уклониться. В данном случае перед ней возникла первая угроза. Большая женщина. Мощное сложение, крупные белые зубы, словно в нетерпении грызущие удила. По-французски такую женщину можно было бы назвать *une femme formidable*¹, однако она определенно не только не имела французского оттенка *formidable*, а была просто крайней

¹ Потрясающая женщина (фр.).

формой женщины, не терпящей возражений. Очевидно, эта особа или знала миссис Оливер, или собиралась познакомиться здесь и сейчас. И вот как она это сделала.

– О, миссис Оливер, – сказала она высоким визгливым голосом, – как хорошо, что мы сегодня встретились. Мне так давно этого хотелось. Я просто обожаю ваши книги. Как и мой сын. И мой муж всегда говорил, что никогда не следует путешествовать, не взяв с собой одну-две из ваших книг... Но пойдёмте, присядем. Мне так много нужно у вас спросить.

«Ну, что ж, – подумала миссис Оливер, – это не мой любимый тип женщин. Но не хуже любого другого».

Она позволила отвести себя твердой рукой, как отводит задержанного полицейский, к канапе на двоих за углом, ее новая подруга взяла кофе себе и поставила вторую чашку перед ней.

– Вот, теперь нам никто не помешает. Вряд ли вы знаете мое имя. Я миссис Бёртон-Кокс.

– Ах, да! – как обычно, проговорила миссис Оливер.

Бёртон-Кокс? Тоже пишет книги? Нет, она действительно не могла ничего о ней вспомнить. Нет, кажется, слышала это имя... Пришло смутное воспоминание. Книга о политике, что-то такое... Не художественная литература, не юмористическая, не детектив. Может быть, что-то с претензией на интеллектуальность с политическим уклоном? Это легче, с облегчением подумала миссис Оливер. Можно просто дать ей выговориться, время от времени повторяя: «Как интересно!»

– Вы действительно очень удивитесь тому, что я скажу, – проговорила миссис Бёртон-Кокс, – но, читая ваши книги, я ощутила, как вы благожелательны, как глубоко понимаете человеческую природу. И я чувствую, что если кто-то и может дать ответ на мой вопрос, то это вы.

– В самом деле не думаю... – начала миссис Оливер, пытаясь подобрать подходящие слова, чтобы выразить неуверенность в своей способности поднять возложенный на нее груз.

Миссис Бёртон-Кокс обмакнула в кофе кусочек сахара и раскусила его с плотоядным хрустом, как будто разгрызла кость. «Клыки», – смутно вспомнилось миссис Оливер. Клыки? У собак клыки, у моржей бивни, и у слонов бивни. Огромные бивни из слоновой кости. А миссис Бёртон-Кокс все говорила:

– Прежде всего я должна спросить у вас – впрочем, я и так весьма уверена, – у вас ведь есть крестница, верно? Крестница по имени Селия Рейвенскрофт?

– О, – ответила миссис Оливер, приятно удивившись.

Она почувствовала, что, пожалуй, сможет справиться с разговором о крестнице. У нее было множество крестниц – и крестников, уж если на то пошло. Временами ей приходилось признавать, что с возрастом она уже не может вспомнить их всех. Миссис Оливер должным образом выполняла свои обязанности, одной из которых было – посылать игрушки маленьким крестникам и крестницам на Рождество, навещать их и их родителей или принимать их у себя, пока они растут, забирать мальчиков из школы – и девочек тоже. А потом, в знаменательную дату – на двадцать первый день рождения – крестная должна сделать подобающий подарок, и сделать это великодушно, и удостовериться, что все об этом знают, – или на бракосочетании, которое влечет за собой такие же подарки и финансовое или иное благословение. А после этого крестники и крестницы отступают на среднюю или дальнюю дистанцию. Они женятся или выходят замуж, или уезжают за границу, в другие страны, в иностранные посольства, или учатся в иностранных школах, или участвуют в социальных проектах – в любом случае они постепенно бледнеют в вашей жизни. Тебе приятно их видеть, если они неожиданно, так сказать, снова всплывают на горизонте. Но тебе нужно подумать и вспом-

нить, когда ты видела их в последний раз, чьи они дочери и какое знакомство привело к тому, что тебя выбрали крестной матерью.

– Селия Рейвенскрофт, – повторила миссис Оливер, силясь вспомнить. – Да, да, конечно. Да, определено. – Не то чтобы какой-то образ Селии Рейвенскрофт предстал у нее перед глазами... нет, то есть предстал, но из очень давнего прошлого. На крещении.

Она пошла на крещение Селии и в качестве подарка подобрала очень милое серебряное ситечко в стиле королевы Анны. Очень милое. Прекрасно подойдет, чтобы процеживать молоко; а потом крестница всегда сможет продать его за приятную цену, если ей захочется иметь деньги на карманные расходы. Да, ситечко она действительно вполне вспомнила. В стиле королевы Анны 1711 года. С изображением Великобритании в виде женщины-воительницы. Насколько проще вспомнить серебряный кофейник, или ситечко, или крестильную кружку, чем самого ребенка...

– Да, – сказала она. – Да, конечно. Боюсь, я уже очень давно не виделась с Селией.

– Ах, понимаю... Она, несомненно, довольно импульсивная девушка, – сказала миссис Бёртон-Кокс. – То есть очень часто меняет свои идеи. Конечно, очень умная, прекрасно училась в университете, но ее политические взгляды... Думаю, все молодые люди нынче имеют политические взгляды.

– Боюсь, я не очень слежу за политикой, – сказала миссис Оливер, для которой этот предмет всегда был анафемой.

– Видите ли, я хочу довериться вам. Хочу сказать вам, что именно я хочу узнать. Уверена, вы не будете возражать. Я от столь многих слышала, как вы добры, как всегда доброжелательны...

«Уж не собирается ли она занять у меня денег?» – подумала миссис Оливер, зная много бесед, начинавшихся подобным образом.

– Видите ли, этот вопрос имеет для меня огромную важность. Я чувствую, что действительно должна это выяснить. Селия, видите ли, собирается выйти замуж – или думает, что собирается, – за моего сына Десмонда.

– Ах, вот как! – воскликнула миссис Оливер.

– Во всяком случае, сейчас она носит с такой идеей. Конечно, нужно побольше о ней узнать, я кое-что очень хочу узнать. Это крайне необычно – спрашивать у кого-то, и я бы не стала... ну, то есть я бы не стала вот так вдруг расспрашивать незнакомого человека, но я не считаю вас незнакомым человеком, дорогая миссис Оливер.

«Лучше бы считала, – подумала миссис Оливер. Теперь она занервничала, опасаясь, нет ли у Селии внебрачного ребенка, или не собирается ли она родить такого, и не собирается ли миссис Бёртон-Кокс посвятить ее, миссис Оливер, во все подробности. Это было бы очень неловко. – А с другой стороны, я не виделась с Селией пять или шесть лет, и ей, наверное, теперь лет двадцать пять – двадцать шесть, так что будет довольно просто сказать, что я ничего не знаю».

Миссис Бёртон-Кокс наклонилась к ней и тяжело вздохнула.

– Я хочу, чтобы вы сказали мне – так как уверена, что вы должны знать или иметь определенную догадку, – как все это произошло. Ее мать убила ее отца или отец убил мать?

Чего-чего, а вот этого миссис Оливер никак не ожидала. Не веря своим ушам, она уставилась на миссис Бёртон-Кокс.

– Но я не... – Она замолкла. – Я... Я не могу понять. То есть – по какой причине...

– Миссис Оливер, вы должны это знать... Такая нашумевшая история... Конечно, я понимаю, столько лет прошло – ну, наверное, десять или двадцать, не меньше, – но в свое время оно привлекло к себе большое внимание. Несомненно, вы помните, должны помнить.

Мозг миссис Оливер отчаянно работал. Селия была ее крестницей. Это не вызывает сомнений. Мать Селии... да, конечно, матерью Селии была Молли Престон-Грей, ее бывшая

подруга, хотя и не очень близкая, и, конечно, она была замужем за военным... да как же его звали?... Сэр какой-то Рейвенскрофт. Или он был послом? Удивительно, как легко забываются такие вещи. Она даже не могла вспомнить, была ли у Молли на свадьбе подружкой невесты. Наверное, была. Довольно милое венчание в часовне Гардс или какой-то еще... Но такие вещи забываются. А после этого она не встречалась с ними много лет: они куда-то уехали... На Ближний Восток? В Персию? В Ирак? Кажется, в Египет? Или в Индию? Совершенно случайно, когда они приезжали в Англию, она снова с ними встретилась.

Но они были похожи на те фотографии, которые берешь и удивленно рассматриваешь. Смутно вспоминаешь, кто на них, но они так выцвели, что уже не различить лиц, и точно не помнишь, где кто. И теперь она не могла припомнить, занимали ли сэр Рейвенскрофт и леди Рейвенскрофт, урожденная Молли Престон-Грей, какое-то место в ее жизни. Вряд ли занимали. А впрочем...

Миссис Бёртон-Кокс по-прежнему смотрела на нее. Смотрела, как будто разочарованная ее недостатком находчивости, ее неспособностью вспомнить тот очевидно выдающийся случай.

– Убил? Вы хотите сказать, несчастный случай?

– О нет. Не несчастный случай. В одном из тех домов у моря. Кажется, в Корнуолле. Где-то, где скалы. В общем, у них был там дом. И их обоих нашли там на скале; они были застрелены, вы знаете. Но не было ничего такого, чтобы полиция могла сказать, то ли это жена застрелила мужа, а потом себя, то ли он застрелил жену, а потом себя. Они стали расследовать – вы знаете – траектории пуль и все такое, но было трудно что-то определить. Решили, что это могло быть самоубийство по сговору, и... Я забыла, каков был вердикт. Что-то... Это мог быть несчастный случай или нечто подобное. Но, конечно, все знали, что это было сделано наверняка преднамеренно, и, конечно, тогда ходило множество историй...

– Наверное, пустые домыслы, – с надеждой сказала миссис Оливер, стараясь вспомнить по возможности хотя бы одну из историй.

– Что ж, может быть. Может быть. Я понимаю, трудно сказать наверняка... Ходили байки о какой-то ссоре – то ли в тот же день, то ли накануне... еще говорили о каком-то другом мужчине, а потом, конечно, появился обычный слух о другой женщине. И никто не знает, как все это случилось. Думаю, дело замалчивали, потому что генерал Рейвенскрофт занимал довольно высокую должность, и, кажется, говорили, что он в тот год попал в психиатрическую клинику, что он очень переутомился или что-то такое и что он на самом деле не понимал, что делает.

– Я действительно боюсь, – сказала миссис Оливер твердым тоном, – что ничего не знаю об этом. Теперь, когда вы сказали, я припоминаю, что был такой случай, и помню имена, и я знала этих людей, но никогда не знала, что произошло и все с этим связанное. И у меня действительно нет ни малейшего представления...

«И я действительно не понимаю, – подумала миссис Оливер, жалея, что у нее не хватает храбрости сказать это, – как у вас хватает наглости спрашивать меня о таких вещах».

– Мне очень важно это знать, – сказала миссис Бёртон-Кокс.

До того ее глаза были твердыми, как мрамор, а теперь она начала ими хлопать.

– Видите ли, это важно из-за моего сына – мой дорогой мальчик хочет жениться на Селии.

– Боюсь, ничем не могу вам помочь, – ответила миссис Оливер. – Я ничего не слышала об этом.

– Но вы должны знать, – настаивала миссис Бёртон-Кокс. – Я хочу сказать, вы пишете эти удивительные истории, вы все знаете о преступлениях, вы должны знать все это – как человек, который так много думает о таких вещах.

– Я ничего не знаю, – сказала миссис Оливер тоном, в котором не было избытка вежливости, однако определенно слышалось отвращение.

– Но вы же видите, что человек не знает, к кому пойти, чтобы расспросить об этом? То есть нельзя же через столько лет пойти в полицию, да и все равно, наверное, там ничего не сказали бы, потому что они явно пытались замять это дело. Однако я чувствую, что важно докопаться до истины.

– Я только пишу книги, – холодно сказала миссис Оливер. – В них все придумано. Лично я ничего не знаю о преступлениях и не имею своего мнения в криминологии. Так что, боюсь, ничем не могу вам помочь.

– Но вы можете спросить свою крестницу. Можете спросить Селию.

– Спросить Селию? – Миссис Оливер снова уставилась на нее. – Не понимаю, как я могу это сделать. Она была... Да, пожалуй, она была еще ребенком, когда произошла эта трагедия.

– О, и все же, я полагаю, она все об этом знает, – сказала миссис Бёртон-Кокс. – Дети всегда все знают. Я уверена, она вам расскажет.

– Я бы посоветовала вам спросить ее саму, – сказала миссис Оливер.

– Действительно, я бы вряд ли смогла. Знаете, я думаю, Десмонду это не понравилось бы. Видите ли, он немного... Он раздражается, когда дело касается Селии, и я не думаю, что... Нет... Я уверена, что вам она расскажет.

– Мне бы действительно и в голову не пришло спросить ее, – сказала миссис Оливер и притворилась, что смотрит на часы. – Ох, как мы засиделись на этом восхитительном ленче... мне пора бежать. У меня очень важная встреча. До свидания, миссис... м-м-м... Бёртон-Кокс, как жаль, что я не могу вам помочь, но такие материи довольно деликатны, и... В самом деле, какая вам разница, вам лично, что там случилось?

– О, разница огромная.

В этот момент мимо проплыла литературная фигура, которую миссис Оливер хорошо знала; она вскочила, чтобы схватить ее за локоть.

– Луиза, дорогая, как здорово, что я тебя встретила! Я и не заметила, что ты здесь.

– О, Ариадна, как давно мы не виделись! Ты похудела, не так ли?

– Какие милые вещи ты мне всегда говоришь, – сказала миссис Оливер, взяв знакомую за руку и отступая от канапе. – Но я спешу, потому что у меня встреча.

– Ты, кажется, связалась с этой ужасной женщиной, да? – спросила подруга, оглядываясь через плечо на миссис Бёртон-Кокс.

– Она задавала мне очень необычные вопросы, – ответила миссис Оливер.

– О! И ты не смогла на них ответить?

– Нет. Все равно они касались того, что совершенно меня не касается.

– Что-то интересное?

– Пожалуй, – сказала миссис Оливер, позволив закрасться в голову новой идее. – Пожалуй, это может быть интересно, вот только...

– Она встает и собирается тебя преследовать, – сообщила подруга. – Пошли. Я прослежу, чтобы ты вышла, и доставлю куда угодно, если у тебя нет машины.

– Я никогда не езжу на машине по Лондону, тут невозможно припарковаться.

– Да, я знаю. Совершенно невозможно.

Миссис Оливер должным образом попрощалась со всеми. Благодарности, слова об огромном удовольствии – и теперь ее везли по Лондон-сквер.

– По-прежнему живешь на Итон-Террас? – спросила любезная подруга.

– Да, – ответила миссис Оливер, – но сейчас мне нужно... пожалуй, к Уайт-фрэрз-мэншнз. Точно не помню названия, но знаю, где это.

– Ох, там квартиры. Довольно современные. Скучные и очень геометричные.

– Это верно, – согласилась миссис Оливер.

Глава 2

Первое упоминание о слонах

Не застав своего друга Эркюля Пуаро дома, миссис Оливер прибегла к телефону.

– Вы, случайно, не собираетесь сегодня вечером быть дома? – спросила она.

Она сидела у телефона и с некоторой нервозностью барабанила пальцами по столу.

– Это говорит?...

– Ариадна Оливер, – сказала миссис Оливер, которую всегда удивляло, что нужно называть свое имя, так как предполагала, что все друзья узнают ее голос, как только услышат.

– Да, я весь вечер буду дома. Означает ли это, что я буду иметь удовольствие от вашего визита?

– Очень мило с вашей стороны так выразиться. Не знаю, будет ли это таким уж удовольствием.

– Видеть вас – всегда удовольствие, *chère madame*².

– Не знаю, – сказала миссис Оливер. – Может быть, я собираюсь... ну, немножко вас потревожить. Задать вопросы. Я хочу узнать, что вы думаете кое о чем.

– Это я всегда готов рассказать любому.

– Тут кое-что случилось... Кое-что беспокоящее меня, и я не знаю, что с этим делать.

– Значит, вы придете, и мы увидимся. Я польщен. Очень польщен.

– Какое время вас устроит? – спросила миссис Оливер.

– В девять? Может быть, мы вместе попьем кофе, если только вы не предпочитаете гренадин или *Sirop de Cassis*...³ Впрочем нет, вы его не любите. Я помню. Джордж, – обратился Пуаро к своему бесценному слуге, – вечером нам предстоит удовольствие принять миссис Оливер. Я думаю, кофе и какой-нибудь ликер. Не уверен, какой она любит.

– Я видел, как она пила кирш⁴, сэр.

– И *crème de menthe*⁵. Но я думаю, она предпочтет кирш. Прекрасно, – сказал Пуаро.

– Значит, пусть будет так.

Миссис Оливер прибыла пунктуально в назначенное время. За ужином Пуаро гадал, что заставило миссис Оливер навестить его и почему она так сомневается в том, что делает. Приберегла для него какую-то сложную задачу или собирается сообщить о каком-то преступлении? Как ему было хорошо известно, от миссис Оливер можно ожидать чего угодно – от самого банального до экстраординарного. Можно сказать, и то, и другое было в ее духе. Она показалась ему встревоженной.

Что ж, он умеет ладить с миссис Оливер, подумал про себя Пуаро. Он всегда умел ладить с миссис Оливер. Иногда она бесила его. И в то же время он был очень к ней привязан. Они вместе многое пережили и многое испытали. Кстати, он прочел о ней что-то в газете только сегодня утром – или это была вечерняя газета? Нужно постараться вспомнить, пока она не пришла... И Пуаро вспомнил – как раз когда Джордж сообщил о ее прибытии.

Когда Ариадна вошла, Пуаро сразу заключил, что его диагноз о ее тревоге был достаточно верен. Ее прическа, довольно замысловатая, была растрепана оттого, что миссис Оливер взбешенно и лихорадочно теребила ее, как это у нее иногда бывало. Он принял гостью

² Дорогая мадам (*фр.*).

³ Сладкий напиток из сока черной смородины (*фр.*).

⁴ Кирш (*нем.* kirsch) – вишневый ликер.

⁵ Мятный крем-ликер (*фр.*).

со всеми проявлениями удовольствия, усадил в кресло, налил ей кофе и протянул стаканчик кирша.

– Ах! – воскликнула миссис Оливер со вздохом человека, испытавшего облегчение. – Наверное, вы подумаете, что я страшная дура, но все же...

– Я вижу или, точнее, видел в газете, что сегодня вы присутствовали на литературном ленче. Для знаменитых писательниц. Что-то в этом роде. Я думал, вы никогда их не посещаете.

– Обычно не посещаю, – ответила миссис Оливер, – и больше никогда туда не пойду.

– Ах, вы много там натерпелись? – посочувствовал Пуаро.

Он знал, чем можно досадить миссис Оливер. Чрезмерные восхваления ее книг всегда выводили ее из себя, потому что, как однажды ему призналась Ариадна, она никогда не знала, как на это реагировать.

– Вам не понравилось?

– До какого-то времени нравилось, – сказала миссис Оливер, – но потом случилось нечто очень неприятное.

– Ага, и после этого вы решили навестить меня...

– Да, но я в самом деле не знаю зачем. То есть это не имеет к вам никакого отношения, и не думаю, что это вас как-то заинтересует. Мне и самой это не очень интересно. Хотя, наверное, это меня все-таки заинтересовало, иначе мне не захотелось бы прийти узнать, что вы об этом думаете. Узнать, что... в общем, как бы вы поступили на моем месте.

– Это очень трудный вопрос. Я знаю, как в любой ситуации поступил бы я, Эркюль Пуаро, но как поступили бы вы, я не могу сказать, хотя и хорошо вас знаю.

– К этому времени вы уже должны это представлять, – сказала миссис Оливер. – Вы знаете меня достаточно давно.

– Сколько же уже? Лет двадцать?

– О, не знаю. Никогда не запоминаю лет и дат. Знаете, у меня все мешается. Я помню тысяча девятьсот тридцать девятый, потому что тогда началась война, а другие даты помню из-за всяких чудных событий там и сям.

– Как бы то ни было, вы пошли на тот литературный ленч. И он вам не очень понравился.

– Ленч мне понравился, но потом...

– Кто-то вам что-то сказал, – предположил Пуаро с мягкостью доктора, выясняющего симптомы.

– Ну, мне готовились что-то сказать... На меня вдруг набросилась одна из этих огромных требовательных женщин, которые всегда умудряются подавлять всех и от которых становится не по себе, как ни от кого другого. Знаете, она как будто ловит бабочек или других букашек, ей бы еще сачок. Она словно окружила меня со всех сторон и затащила на канапе, а потом начала говорить. Сначала о моей крестнице...

– А, да. О вашей любимой крестнице?

– Я не видела ее много лет, – сказала миссис Оливер. – Ну, я же не могу поддерживать связь с ними со всеми. А потом она задала мне самый неприятный вопрос. Она хотела, чтобы я... О, боже, как мне трудно это сказать...

– Что же тут трудного? – возразил Пуаро. – Это очень просто. Рано или поздно все рассказывают мне всё. Видите ли, я всего лишь иностранец, и потому это не важно. Это легко, потому что я иностранец.

– Да, рассказывать вам довольно легко, – признала миссис Оливер. – Видите ли, она спросила меня об отце и матери этой девушки. Спросила, что именно случилось: ее мать убила ее отца или отец убил мать?

– Прошу прощения? – произнес Пуаро.

– О, я понимаю, что это звучит дико. Ну, мне показалось это совершенно диким.

– Ее мать убила ее отца – или отец убил мать?

– Совершенно верно, – подтвердила миссис Оливер.

– Но это факт? То, что то ли ее отец убил мать, то ли мать убила отца?

– Ну, обоих нашли застреленными, – сказала миссис Оливер. – На вершине скалы. Не помню, то ли в Корнуолле, то ли на Корсике... Что-то в этом роде.

– Так, значит, она сказала правду?

– Да, в этой части – правду. Это случилось много лет назад. Ну, и я... Почему она обратилась ко мне?

– Это ясно: потому, что вы пишете детективы, – объяснил Пуаро. – Несомненно, она сказала, что вы знаете всё о преступлениях. А то, что случилось, – оно было реально?

– О да. Не из таких вопросов: «что бы сделал А», или «какая процедура была бы уместна, если б ваш отец убил вашу мать». Нет, это реально случилось. И я подумала, что лучше рассказать эту историю вам. То есть я не могу вспомнить ее в точности, но в свое время она была широко известна. Это случилось... О, надо думать, как минимум около двадцати лет назад. И, говорю вам, я вспомнила имена этих людей, потому что знала их. С женой мы вместе учились в школе, и я знала ее очень хорошо. Мы дружили. Этот случай был широко известен – знаете, о нем писали все газеты и все такое прочее. Сэр Алистер Рейвенскрофт и леди Рейвенскрофт. Вполне счастливая пара: он был полковником или генералом, а она следовала за ним, и где только они не побывали! Потом купили где-то тот дом – кажется, за границей, но точно не помню... А потом вдруг в газетах появились эти сообщения. То ли кто-то убил их обоих, то ли они убили друг друга. Думаю, использовался револьвер, который всегда лежал у них в доме, и... Лучше я расскажу, что помню.

Собравшись с мыслями, миссис Оливер сумела более-менее ясно изложить то, что слышала. Пуаро время от времени уточнял ту или иную деталь.

– Но почему, – спросил он, когда рассказ подошел к концу, – почему та женщина так хочет это узнать?

– Ну, вот это я и хотела бы выяснить, – сказала миссис Оливер. – Думаю, я могу добраться до Селии. Я знаю, что она по-прежнему живет в Лондоне. А может быть, в Кембридже или в Оксфорде... Кажется, она защитила диплом и то ли читает там лекции, то ли преподает где-то еще... в общем, что-то в этом роде. И, знаете, она очень современная. Водится с длинноволосыми молодыми людьми в странных нарядах. Но не думаю, что употребляет наркотики. Она в полном порядке, и... Я слышу о ней лишь изредка, случайно. То есть она присылает мне открытки на Рождество, и все такое. Знаете, о своих крестниках не думают постоянно, а ей уже двадцать пять или двадцать шесть.

– Не замужем?

– Нет. Очевидно, она собирается замуж – или у нее есть такая мысль... Миссис... Как же звали ту женщину? Опять забыла. Ах да – миссис Бёртон-Кокс. За ее сына.

– И миссис Бёртон-Кокс не хочет, чтобы ее сын женился на этой девушке, потому что ее отец убил ее мать или мать убила отца?

– Ну, наверное, – сказала миссис Оливер. – Больше я ничего не могу предположить. Но какая разница, кто кого убил? Если один из твоих родителей убил другого, неужели для матери молодого человека, за которого ты собираешься выйти, так важно, кто именно совершил убийство?

– Об этом можно подумать, – сказал Пуаро. – Знаете... Да, это действительно интересно. То есть не то, кто убил: сэр Алистер Рейвенскрофт или леди Рейвенскрофт. Кажется, я смутно припоминаю что-то подобное... а может быть, и тот самый случай. Но странность кроется в самой миссис Бёртон-Кокс. Может быть, у нее что-то с головой... Она очень любит своего сына?

– Наверное, – сказала миссис Оливер. – Вероятно, она вообще не хочет, чтобы он женился на этой девушке.

– Потому что она могла унаследовать предрасположенность к убийству мужчины, за которого вышла, или что-то такое?

– Откуда мне знать? – сказала миссис Оливер. – Она, кажется, думает, что я могу все ей сказать, а сама рассказала мне не все, верно? Но почему, как вы думаете? Что стоит за всем этим? Что все это означает?

– Будет очень интересно это выяснить, – сказал Пуаро.

– Что ж, потому я к вам и пришла. Вы любите выяснять такие вещи – в которых поначалу не видите никакого мотива. То есть никто не видит мотива.

– Вы думаете, миссис Бёртон-Кокс отдает предпочтение какому-то варианту? – спросил Пуаро.

– То есть муж убил жену или жена убила мужа? Не думаю.

– Что ж, я понял вашу проблему, – сказал Пуаро. – Это меня очень заинтриговало. Приходишь домой с какого-то приема. Тебя просят сделать что-то очень трудное, почти невозможное, и – ты задумываешься, с какого конца взяться за это дело.

– Ну, и с какого же? – спросила миссис Оливер.

– Мне не так легко это сказать, – ответил Пуаро. – Ведь я не женщина. Не женщина, которую вы по-настоящему не знаете, которую вы встретили на ленче и которая поставила перед вами задачу и попросила решить ее, никак не объяснив своего мотива.

– Верно, – согласилась миссис Оливер. – И что теперь делать Ариадне? Иными словами, что теперь делать А., если б вы прочли об этой проблеме в газете?

– Ну, я предполагаю, у А. есть три пути. Можно написать записку миссис Бёртон-Кокс со словами: «Мне очень жаль, но я чувствую, что действительно не могу помочь Вам в этом вопросе», – или можете выразить это как-нибудь по-другому. Вариант Б: вы связываетесь с вашей крестницей и рассказываете ей, что спросила у вас мать ее парня, или молодого человека, или как там это называется, за которого она думает выйти замуж. От нее вы узнаете, действительно ли она собирается за него замуж. Если да, то нет ли у нее какой-нибудь догадки, или не говорил ли ей этот молодой человек, что взбрело в голову его матушке. И тут появятся другие интересные моменты – например, выяснится, что думает девушка о матери молодого человека, за которого хочет выйти замуж. И третье, что вы можете сделать, – сказал Пуаро, – и что я настоятельно рекомендовал бы вам...

– Я знаю, – сказала миссис Оливер. – Одно слово.

– Ничего, – закончил Пуаро.

– Именно. Я знаю, что это было бы просто и правильно. Ничего. Это большое нахальство – пойти и сказать девушке, своей крестнице, что собирается рассказывать людям ее будущая свекровь и о чем расспрашивать. Но...

– Я знаю, – сказал Пуаро. – Человеческое любопытство.

– Я хочу узнать, почему эта противная тетка подошла ко мне и все это сказала. Когда узнаю, смогу успокоиться и забыть обо всем этом. Но до тех пор...

– Да, – сказал Пуаро, – вы не сможете заснуть. Или будете просыпаться среди ночи, и, если я действительно вас знаю, вам в голову будут приходиться самые экстраординарные и экстравагантные идеи, из которых вы, пожалуй, некоторое время спустя сможете сочинить очень неплохую детективную историю. Детектив с убийством – триллер. Что угодно.

– Что ж, пожалуй, могла бы, если взглянуть с этой стороны, – согласилась миссис Оливер, и ее глаза слегка сверкнули.

– Бросьте это дело, – сказал Пуаро. – Это будет очень трудно. К тому же, похоже, для этого у вас нет никаких серьезных оснований.

– Но я хочу убедиться, что для этого нет никаких оснований.

– Человеческое любопытство, – повторил Пуаро. – Такая интересная штука... – Он вздохнул. – Подумать только, чем мы обязаны ему на протяжении истории. Любопытство. Не знаю, кто придумал любопытство. Говорят, что оно связано с кошкой. Кошку погубило любопытство⁶. Но я бы сказал, что любопытство изобрели греки. Они все хотели знать. До них, насколько я знаю, никто не хотел знать лишнего. До них люди лишь хотели знать, каковы правила той страны, в которой они жили, как избежать отсечения головы, или посадки на кол, или еще какой-нибудь неприятности. Но они или подчинялись, или не подчинялись этим правилам. Они не хотели знать *почему*. Но с тех пор многие захотели знать *почему*, и из-за этого много что произошло. Корабли, поезда, летающие аппараты, и атомные бомбы, и пенициллин, и методы лечения различных заболеваний. Маленький мальчик смотрит, как на мамином чайнике от пара подпрыгивает крышка – и мы узнали железную дорогу и поезда, которые со временем породили забастовки железнодорожников и многое другое. И так далее, и так далее.

– Но скажите, – поинтересовалась миссис Оливер, – вы считаете, что я люблю совать нос не в свое дело?

– Нет, не считаю. Я вообще не считаю вас очень любопытной женщиной. Но вижу, что на том литературном ленче вы впали в возбужденное состояние, защищаясь от излишней любезности и избыточных похвал. И из-за этого попали в другую неловкую ситуацию и страшно невзлюбили ту женщину, которая вас в нее поставила.

– Да. Это очень надоедливая женщина, очень неприятная.

– Это давнее убийство мужа и жены, которые будто бы прекрасно ладили, и не было известно ни о каких ссорах между ними. По вашим словам, нигде не писали про возможную причину убийства?

– Они были застрелены. Да, застрелены. Это могло быть самоубийство по сговору. Наверное, полиция так сначала и решила. Конечно, после стольких лет этого уже не выяснишь...

– Не скажите, – возразил Пуаро. – Думаю, я смогу кое-что выяснить.

– Вы хотите сказать – через ваших невообразимых друзей?

– Ну, пожалуй, я бы не стал называть их невообразимыми. Это определенно осведомленные друзья, которые могут получить доступ к определенным архивам, посмотреть на отчеты о преступлениях того времени – и дать и мне доступ к определенным записям.

– Вы сможете кое-что разузнать, – с надеждой сказала миссис Оливер, – и потом рассказать мне.

– Да, думаю, в любом случае я могу вам помочь узнать все факты, касающиеся этого дела. Хотя это и займет некоторое время.

– Я считаю, что если вы займетесь этим – а я очень этого хочу, – то и мне нужно будет предпринять что-то со своей стороны. Например, встретиться с этой девушкой. Я посмотрю, знает ли она что-то об этом, предложу выразить от ее имени недовольство ее потенциальной свекрови или же помочь каким-либо другим способом. И еще мне хочется посмотреть на молодого человека, за которого она собирается замуж.

– Совершенно верно, – одобрил Пуаро. – Превосходно.

– И я предполагаю, могут быть люди... – Миссис Оливер осеклась и нахмурилась.

– Не думаю, что люди очень помогут, – сказал Эркюль Пуаро. – В свое время, возможно, это было *cause célèbre*⁷. Но что такое *cause célèbre*, если подумать? Если только оно

⁶ «Любопытство сгубило кошку» – английская поговорка, ср. «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали». – Прим. пер.

⁷ Громкое, скандальное дело (фр.).

не заканчивается удивительной развязкой, а в данном случае развязки не было. Никто о нем не помнит.

– Да, – признала миссис Оливер, – это истинная правда. В газетах было много шума, и иногда этот случай упоминали, а потом все просто забылось. Что ж, так теперь делается. Как с той девушкой на днях – знаете, которая вышла из дому, и ее нигде не могли найти. Ну, то есть это случилось пять или шесть лет назад, а потом вдруг маленький мальчик играет в куче песка, или в яме с гравием, или что-то в этом роде – и находит мертвое тело. Через пять или шесть лет.

– Это верно, – согласился Пуаро. – И также верно другое: зная, сколько времени пролежало тело и что случилось в тот конкретный день, вернувшись к разнообразным событиям того дня, о которых остались записи, можно, наконец, найти убийцу. Но в вашем случае это будет труднее, поскольку, похоже, ответ будет одним из двух: либо муж не любил жену и хотел избавиться от нее, либо жена ненавидела мужа или имела любовника. Поэтому это могло быть убийство из ненависти или нечто совсем иное. В любом случае будет, так сказать, нечего разыскивать. Если полиция ничего не нашла в свое время, то мотив может оказаться сложным, который нелегко разглядеть. Потому оно и осталось сенсацией на неделю, не более того.

– Наверное, я навещу свою крестницу. Пожалуй, та ужасная женщина этого от меня и хотела. Она думает, что моя крестница знает – ну, может знать, – сказала миссис Оливер. – Знаете, дети осведомлены о таких вещах... Они ведают самое невероятное.

– Вы имеете представление, сколько лет было вашей крестнице в то время?

– Ну, да, если посчитать... но сразу не могу сказать. Наверное, девять или десять, но, возможно, и больше, не знаю. Думаю, она в то время была в школе. Но, может быть, это моя фантазия, воспоминания о том, что я когда-то читала...

– Так вы думаете, миссис Бёртон-Кокс хотела, чтобы вы получили информацию от своей крестницы? Возможно, девушка что-то знает, может быть, говорила что-то ее сыну, а сын сказал матери... Подозреваю, миссис Бёртон-Кокс пыталась сама расспрашивать девушку и получила отпор, но потом подумала, что знаменитая миссис Оливер, которая к тому же ее крестная мать и полна криминальных знаний, может выудить из нее информацию. Хотя почему ей так это важно, я не могу понять, – сказал Пуаро. – И мне не кажется, что те, кого вы туманно называете «люди», смогут помочь через столько лет. Неужели кто-то что-то помнит?

– Ну, в этом случае, я думаю, могли запомнить, – сказала миссис Оливер.

– Вы удивляете меня. – Пуаро озадаченно посмотрел на нее. – Разве люди что-то запоминают?

– Ну, на самом деле я думала о слонах.

– О слонах?

Как это частенько бывало и раньше, Пуаро подумал, что миссис Оливер действительно самая непостижимая женщина. С чего бы вдруг о слонах?

– На том ленче я думала о слонах.

– Почему? – с любопытством спросил Пуаро.

– Ну, на самом деле я думала о зубах. Знаете, это штуки, которыми пытаются жевать, а если у вас в некотором роде зубы ненастоящие – ну, вы не можете делать это очень хорошо. Понимаете, приходится помнить, что можно есть, а что нельзя.

– Да, – глубоко вздохнул Пуаро, – Да, да. Дантисты – они могут сделать многое, но не всё.

– Совершенно верно. А потом я подумала, знаете ли, что наши зубы – это просто кости, и они не так уж прочны, а как хорошо быть собакой, у которой зубы гораздо крепче. А потом я подумала о других, у кого такие твердые зубы, – о моржах и других животных. И вспомнила

о слонах. Конечно, когда думаешь о слоновой кости, то думаешь и о слонах, не так ли? Об огромных слоновьих бивнях...

– Истинная правда, – признал Пуаро, так и не понимая, к чему ведет миссис Оливер.

– И потому я подумала, что нам нужно обратиться к людям, которые похожи на слонов.

Потому что, говорят, слоны ничего не забывают.

– Да, я слышал такую фразу, – сказал Пуаро.

– Слоны ничего не забывают, – повторила миссис Оливер. – Вы знаете ту детскую сказку? Как какой-то индийский портной засунул иголку или что-то такое слону в бивень... нет, не в бивень, а в хобот – конечно же, слону в хобот. И в следующий раз, проходя мимо портного, слон набрал полный рот воды и окатил его, хотя не видел этого портного несколько лет. Он не забыл. Он запомнил. В этом все и дело. Слоны все помнят. Нам нужно только связаться с какими-то слонами.

– Я не уверен, что правильно понял вас, – сказал Эркюль Пуаро. – Кого вы классифицируете как слонов? Вы говорите так, словно собираетесь обратиться за сведениями в зоопарк.

– Ну, не совсем так, – ответила миссис Оливер. – Я имела в виду не собственно слонов как таковых, а то, как люди до некоторой степени могут напоминать слонов. Некоторые люди умеют помнить. Ведь люди запоминают все необычное. Например, я многое помню очень хорошо. К примеру, свой день рождения, когда мне исполнилось пять лет; помню розовый торт – прекрасный торт розового цвета, а на нем сидела сахарная птичка. И помню день, когда улетела моя канарейка и я плакала. Еще я помню другой день, когда вышла в поле, а там был бык, и кто-то сказал, что он меня забодает, и я перепугалась и хотела убежать. Да, я очень хорошо это помню. Это тоже было во вторник. Не знаю, почему я запомнила, что был вторник, но тогда точно был вторник. Еще помню чудесный поход за ежевикой. Помню, что кусты ужасно кололись, но я набрала ежевики больше всех. Это был чудесный день! Но тогда, кажется, мне было уже девять... Но зачем возвращаться так далеко? Я хочу сказать, я в жизни присутствовала на сотнях свадеб, но, когда гляжу назад, вспоминаются только две. Одна – когда я была подружкой невесты. Я помню, что это было в Нью-Форест, но не помню, кто там был еще. Наверное, выходила замуж моя кузина. Я не очень хорошо ее знала, но она хотела побольше подружек на свадьбе, ну, и я, наверное, оказалась подходящей. А помню и другую свадьбу. Там был мой друг, военный моряк. Он чуть не утонул на подводной лодке, но спасся, а потом обручился с девушкой, чьи родители не хотели, чтобы она за него выходила, но он все же женился на ней, и я опять была среди подружек невесты. То есть я хочу сказать, всегда что-то запоминается.

– Я вас понял, – сказал Пуаро. – Мне кажется, это интересно. Значит, вы отправитесь *a la recherche des éléphants*?⁸

– Именно. Нужно только правильно установить дату.

– В этом я могу вам помочь.

– А потом я подумаю, кого знала в то время, кто имел те же знакомства, что и я, кто, вероятно, был знаком с генералом. Некоторые могли познакомиться с ними за границей, но я могла быть знакома и с такими, хотя и не видела Молли столько лет. Знаете, ведь можно навестить людей, с которыми долго не виделся. Потому что людям всегда приятно увидеть кого-то из прошлого, даже если они не очень хорошо тебя помнят.

– Очень интересно, – сказал Пуаро. – Похоже, вы хорошо подготовлены для своей задачи. Люди, хорошо или не очень хорошо знавшие Рейвенскрофтов, жившие в той же части мира, где произошел тот случай, или, может быть, до сих пор там живущие. Это труднее, но, думаю, нужно за это взяться. Так или иначе, нужно попробовать разные пути. Начните

⁸ Искать слонов (*фр.*).

как бы невзначай разговор о том, что случилось тогда, что они думают об этом, что говорят другие, как это могло случиться. Думаю, вы можете раскопать много интересного.

– Ох, боюсь, я в самом деле просто сую свой нос не в свое дело.

– Вам дали задание, – сказал Пуаро. – И дал его не тот человек, который вам нравится, не тот, которому вы хотите помочь, а женщина, крайне вам неприятная. Это не важно. Вы по-прежнему в поиске – в поиске знания. Вы идете своим путем. Это путь слонов. Слоны умеют помнить. *Bon voyage*⁹.

– Прошу прощения, – сказала миссис Оливер.

– Я посылаю вас в путь, сулящий открытия. *A la recherche des éléphants*.

– Наверное, я сошла с ума, – печально сказала миссис Оливер и еще раз провела руками по волосам, отчего стала похожа на картинку в книжках про Растрепку. – А я только задумала написать рассказ про золотистого ретривера... Но что-то не пошло. Никак не могла начать, если вы понимаете, как это бывает.

– Хорошо, бросьте золотистого ретривера. Сосредоточьтесь только на слонах.

⁹ Счастливого пути (*фр.*).

Книга I Слоны

Глава 3 Руководство двоюродной бабушки Элис

– Вы не могли бы найти мою записную книжку, мисс Ливингстоун?
– Она у вас на столе, миссис Оливер. В левом углу.
– Я имела в виду не эту, – сказала Ариадна. – Этой я пользуюсь сейчас. Я имела в виду предыдущую. Ту, что была у меня в прошлом году, или лучше ту, что была до нее.
– Может быть, вы ее выбросили? – предположила мисс Ливингстоун.
– Нет, я никогда не выбрасываю записные книжки и подобные вещи, потому что они так часто оказываются нужны. То есть некоторые адреса, которые не переписала в новую. Она, наверное, в ящике комода.

Мисс Ливингстоун появилась сравнительно недавно – она заменила мисс Седжвик. Ариадне Оливер не хватало мисс Седжвик – та знала столько всего... Знала, куда миссис Оливер иногда прячет свои вещи, в каких местах держит их. Она помнила имена людей, с которыми миссис Оливер вела приятную переписку, и имена тех, кому миссис Оливер через силу писала довольно неприятные письма. Она была неоценима – то есть была раньше. Она была вроде... как же называлась та книга? Такая большая, коричневая... Миссис Оливер ударилась в воспоминания. Эта книга была у всех людей викторианской эпохи. «Всё обо всем». И в самом деле там было можно узнать все! Как вывести пятна от утюга с льняной скатерти, что делать со свернувшимся майонезом, как начать неофициальное письмо к епископу... Много, много всего. Все это было в той книге. Великое подспорье для двоюродной бабушки Элис.

И мисс Седжвик была так же хороша, как та бабушкина книга. А мисс Ливингстоун – совсем не то. Она вечно стояла с вытянутым лицом, бледная и старалась выглядеть очень толковой. Каждая черточка на ее лице говорила: «Я очень толковая». Но на самом деле толку от нее было мало. Она только знала, куда клали свои вещи ее бывшие наниматели-литераторы, и явно считала, что и миссис Оливер должна держать их там же.

– Мне нужна моя записная книжка семидесятого года, – с твердостью и решительностью избалованного ребенка сказала миссис Оливер. – И, пожалуй, шестьдесят девятого тоже. Пожалуйста, разыщите их, и поскорее, будьте любезны.

– Конечно, конечно, – ответила мисс Ливингстоун.

Она огляделась с несколько рассеянным видом, как человек, который ищет что-то, о чем никогда раньше не слышал, но чья толковость способна найти это с помощью какого-то неожиданного всплеска удачи.

«Если я не верну свою Седжвик, то сойду с ума, – подумала миссис Оливер. – Без нее я пропаду».

Мисс Ливингстоун начала выдвигать разные ящики в мебели, что стояла в так называемом кабинете миссис Оливер и рабочей комнате.

– Вот прошлогодняя! – радостно воскликнула она. – Она будет более актуальна, не правда ли? За тысяча девятьсот семьдесят первый год.

– Мне не надо за семьдесят первый, – сказала миссис Оливер. У нее в голове всплыли смутные воспоминания. – Посмотрите в чайной коробке.

Мисс Ливингстоун с обеспокоенным видом огляделась.

– Вон там, – указала миссис Оливер.

– Записная книжка вряд ли может быть в чайной коробке, – пролепетала мисс Ливингстоун, напомнив своей работодателнице общеизвестные житейские истины.

– Нет, может, – ответила миссис Оливер. – Кажется, я вспомнила. – Отодвинув мисс Ливингстоун, она подошла к красивой инкрустированной чайной коробке, подняла крышку и заглянула внутрь. – Вот она.

Подняв крышку круглой банки из папье-маше, предназначенной для хранения чая «Лапсан Сушонг»¹⁰, а не индийского, Ариадна вытащила маленькую измятую коричневую записную книжку.

– Но это же за тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год, четырехлетней давности, миссис Оливер.

– Похоже, что так, – ответила та, приподняв ее и снова положив на письменный стол. – Пока что все, мисс Ливингстоун, но попробуйте, не сможете ли разыскать где-то мою книгу дней рождения.

– Я не знала...

– Теперь я ей не пользуюсь, – сказала миссис Оливер, – но когда-то я вела такую. Знаете, она довольно большая. Я начала вести ее в детстве и продолжала несколько лет. Наверное, она где-то в мансарде. Знаете, которую мы иногда используем как запасное помещение, когда мальчишки приезжают на каникулы или кто-нибудь, кому все равно, где останавливаться... В таком сундуке, или, точнее, комод, рядом с кроватью.

– Понятно. Мне пойти и посмотреть?

– Хорошая мысль.

Когда мисс Ливингстоун удалилась, миссис Оливер плотно закрыла за ней дверь и немного повеселела. Потом вернулась к письменному столу и начала просматривать написанные выцветшими чернилами адреса. От книжки пахло чаем.

– Рейвенскрофт. Селия Рейвенскрофт. Да. Фишейкр, четырнадцать, Мьюз, S.W.-три. Это в Челси. Тогда она жила там. Но потом был другой адрес. Где-то на Стрэндон-Грин, у моста Кью. – Она пролистала несколько страниц. – Вот, этот, кажется, поновее... Мардик-Гроув. Наверное, рядом с Фулхэм-роуд. Где-то там. Есть телефонный номер? Все стерлось, но, я думаю... Да, правильно, Челси. Однако же все-таки попытаюсь.

Она подошла к телефону.

Тут дверь открылась, и заглянула мисс Ливингстоун.

– Как вы думаете, может быть...

– Я уже нашла адрес, который искала, – сказала миссис Оливер. – Ступайте, поищите книгу дней рождения. Это важно.

– Может быть, вы оставили ее, когда жили в Сили-хаус?

– Нет, не думаю. Продолжайте поиски, – сказала миссис Оливер и, когда дверь закрылась, пробормотала: – И ищи, сколько влезет.

Она набрала номер и, пока ждала ответа, открыла дверь и крикнула:

– Посмотрите в испанском сундуке. Знаете, такой окованный медью... Не помню, где он теперь стоит. Наверное, в прихожей под столом.

Первая попытка дозвониться оказалась неудачной. Она попала к миссис Смит-Поттер, которая говорила раздраженно и неотзывчиво и не имела представления, какой теперь может быть номер у тех, кто жил в этой квартире раньше.

Миссис Оливер снова вернулась к изучению записной книжки и обнаружила еще два адреса, наскоро нацарапанных поверх других номеров. Они не казались очень полезными.

¹⁰ «Лапсан Сушонг» – один из самых известных сортов чая из Южного Китая.

Однако с третьей попытки в зачерканном удалось разобрать что-то похожее на «Рейвенскрофт», а также инициалы и адрес.

Раздавшийся в трубке голос признал, что знает Селию.

– О да, но она уже несколько лет как не живет здесь. Когда я последний раз о ней слышала, она, кажется, жила в Ньюкасле.

– Ой, боюсь, у меня нет того адреса, – сказала миссис Оливер.

– У меня тоже, – ответила любезная девушка. – Кажется, она стала секретаршей у хирурга-ветеринара.

Это звучало не очень обнадеживающе. Миссис Оливер попыталась еще пару раз. От адресов в самой поздней записной книжке не было никакого проку, и она вернулась к более ранним. Поклевка случилась, если можно так выразиться, когда она добралась до последней, за 1962 год.

– Ах, вы говорите о Селии, – сказал голос. – Селии Рейвенскрофт, верно? Или Финчуэлл?

Миссис Оливер еле удержалась, чтобы не сказать: «Нет, и не Редбрест тоже».

– Очень компетентная девушка, – продолжал голос. – Она работала у меня более полутора лет. О да, очень компетентная. Я была бы счастлива, если б она осталась дольше. Кажется, она съехала отсюда куда-то на Харли-стрит, но, пожалуй, у меня где-то есть ее адрес... Дайте я посмотрю. – Прошло какое-то время, пока миссис Незнакомка смотрела свои записи. – У меня есть один адрес. Это где-то в Айлингтоне¹¹. Думаете, это возможно?

Миссис Оливер ответила, что все возможно, горячо поблагодарила миссис Незнакомку и записала адрес.

– Как трудно искать адреса людей, правда? Обычно они присылают тебе их – на открытках, например... Но лично я, похоже, всегда их теряю.

Миссис Оливер ответила, что тоже страдает этим же.

Она набрала айлингтонский номер. Ответил голос с сильным иностранным акцентом:

– Вы ищете, да – что вы говорите? Кто здесь живет?

– Мисс Селия Рейвенскрофт?

– О да, очень верно. Да, да, она живет здесь. У нее комната на третьем этаже. Сейчас она вышла и нет дома.

– А позже, вечером, она будет?

– О, она будет дома очень скоро, я думаю, потому что она приходит домой одеться для приема и уходит.

Миссис Оливер поблагодарила за информацию и повесила трубку.

– Ох уж эти девушки! – раздраженно сказала она себе и попыталась вспомнить, как давно виделась со своей крестницей Селией. Потерянная связь. В этом все и дело.

«Итак, – подумала она, – Селия в Лондоне. Если и ее парень в Лондоне, или мать ее парня в Лондоне, то все складывается. Боже, у меня просто голова раскалывается...»

– Да, мисс Ливингстоун? – Она обернулась.

Мисс Ливингстоун, непохожая на себя, вся в пыли и в паутине, раздраженная, стояла в дверях со стопкой пыльных томов.

– Не знаю, понадобится ли вам это, миссис Оливер. Они, похоже, пролежали там много-много лет, – неодобрительно сказала она.

– Непременно понадобятся, – ответила миссис Оливер.

– Не знаю, хотите ли вы, чтобы я нашла в них что-то конкретное...

– Не думаю. Если вы положите их вон туда, на край дивана, вечером я сама их посмотрю.

¹¹ Айлингтон – район в Лондоне.

Неодобрение мисс Ливингстоун нарастало с каждой секундой.

– Хорошо, миссис Оливер. Пожалуй, я только сначала смахну с них пыль.

– Это будет очень любезно с вашей стороны, – сказала миссис Оливер и вовремя замолкла, чтобы не сказать: «И, ради бога, стряхните пыль с себя. У вас все левое ухо в паутине».

Она посмотрела на часы и снова набрала айлингтонский номер. На этот раз ей ответил чисто англосаксонский голос, в этом не было сомнений, что вызвало у миссис Оливер удовлетворение.

– Мисс Рейвенскрофт? Селия Рейвенскрофт?

– Да, это Селия Рейвенскрофт.

– Что ж, не думаю, что ты меня хорошо помнишь. Я миссис Оливер, Ариадна Оливер. Мы давно не виделись, но на самом деле я твоя крестная.

– Ах да, конечно, я знаю... Да, мы давно не виделись.

– Мне бы очень хотелось тебя увидеть. Хорошо бы ты пришла ко мне, или мы могли бы встретиться в другом месте, как тебе больше нравится. Могла бы ты прийти на ужин или...

– Ну, сейчас это довольно трудно, учитывая, где я работаю. Я могла бы заскочить сегодня вечером, если хотите. Примерно в полвосьмого или в восемь. Потом у меня встреча, но...

– Если ты зайдешь, я буду очень, очень рада.

– Ну, конечно, зайду.

– Запиши адрес. – Миссис Оливер продиктовала.

– Хорошо. Я буду. Да, я хорошо знаю, где это.

Миссис Оливер сделала пометку в телефонном блокноте и с некоторым раздражением посмотрела на мисс Ливингстоун, которая только что вошла в комнату, сгибаясь под тяжестью огромного альбома.

– Может быть, этот, миссис Оливер?

– Нет, не может. Здесь кухонные рецепты.

– Боже, – сказала мисс Ливингстоун. – Рецепты.

– Ну, может быть, я посмотрю какие-нибудь, – сказала миссис Оливер, твердо отодвигая альбом. – Пойдите посмотрите еще. Знаете, я подумала, может быть, в бельевом шкафчике... Рядом с ванной. Нужно заглянуть на верхнюю полку, над банными полотенцами. Я иногда кладу туда бумаги и книги... Погодите минутку. Я поднимусь посмотреть вместе с вами.

Через десять минут миссис Оливер просматривала страницы выцветшего альбома. Мисс Ливингстоун, достигнув финальной стадии мученичества, стояла у двери. Не в силах выносить вида таких страданий, миссис Оливер сказала:

– Что ж, хорошо. Вы могли бы посмотреть еще в столе в столовой... В старом письменном столе. Знаете, который немного сломан. Может быть, там найдете еще несколько записных книжек. Самых ранних. Все до десятилетнего возраста будут представлять интерес. А после этого... не думаю, что мне сегодня еще что-то понадобится.

Мисс Ливингстоун удалилась.

«Интересно, – сказала себе миссис Оливер, сев и с глубоким вздохом взглянув на страницы книги дней рождения, – кто получил больше удовольствия: она, уйдя, или я, увидев, что она ушла? После визита Селии мне предстоит напряженный вечер...»

Взяв новую тетрадь из стопки на столике рядом с письменным столом, она записала разные даты, возможные адреса и имена, отыскала что-то еще в записной книжке и стала звонить месье Эркюлю Пуаро.

– Ах, это вы, месье Пуаро?

– Да, мадам, это я собственной персоной.

- Вы что-нибудь сделали?
- Прошу прощения: сделал что?
- Что-нибудь. Из того, что я просила вчера.
- Да, конечно. Я привел все в движение. И приготовился навести кое-какие справки.
- Но еще не навели, – сказала миссис Оливер, имея слабое представление, что на языке мужчин означает «что-то сделать».
- А вы, *chère madame*?
- Я была очень занята.
- Ага! И что же вы делали?
- Собирала слонов, если это что-то для вас значит.
- Да, думаю, я понял, что вы имели в виду.
- Это нелегко – заглянуть в прошлое. В самом деле, удивительно, сколь многое и многих вспоминает человек, когда дело доходит до просмотра имен. Честное слово, какие же глупости люди иногда пишут в альбомах на дни рождения! Не могу понять, почему, когда мне было шестнадцать, или семнадцать, или даже тридцать, мне хотелось, чтобы люди что-то написали мне в альбом. Есть цитаты какого-нибудь поэта для каждого дня в году. Некоторые из них так глупы, что просто ужас.
- Вы собрались с духом на поиски?
- Не совсем, – ответила миссис Оливер. – Но я по-прежнему думаю, что нахожусь на правильном пути. Я позвонила своей крестнице...
- Ага. И собираетесь с нею встретиться?
- Да, она собирается зайти ко мне. Сегодня вечером, между семью и восемью, если она не передумает. Никогда не знаешь. Молодежь так ненадежна...
- Ей было приятно, что вы позвонили?
- Не знаю. Не особенно. У нее был очень резкий голос, и – теперь я вспомнила – в последний раз, когда я с ней виделась, лет десять назад, мне она показалась несколько нелюбезной.
- Нелюбезной? В каком смысле?
- Я хочу сказать, что скорее она выражала свое недовольство моим поведением, чем наоборот.
- Это может быть хорошо, а не плохо.
- Вы так считаете?
- Если кто-то решил, что не хочет вас любить, то он, конечно, не будет вас любить и получит больше удовольствия, давая вам это понять, – и таким образом выдаст вам больше информации, чем если бы старался быть дружелюбным и милым.
- Вы хотите сказать, чем если бы старался подлизываться? Да, в этом что-то есть. Тогда люди говорят то, что, по их мнению, мне было бы приятно слышать. А так они будут говорить что-то, чтобы вызвать у меня раздражение. Неужели Селия из таких? Честно сказать, я лучше помню ее в пятилетнем возрасте, чем в любом другом. У нее была гувернантка, и она бросала в нее свои ботинки.
- Гувернантка в девочку или девочка в гувернантку?
- Конечно, девочка в гувернантку!
- Ариадна повесила трубку и, переместившись на диван, стала просматривать строчку воспоминаний о прошлом, шепча себе под нос имена:
- Марианна Жозефина Понтарлье – конечно, я не думала о ней много лет, я думала, что она умерла... Анна Брейсби – да, да, она жила в той части мира – интересно, как теперь...
- За этим занятием прошло изрядно времени, и миссис Оливер удивилась, когда раздался звонок. Она поспешила открыть дверь.

Глава 4

Селия

На коврике за дверью стояла высокая девушка. На какое-то мгновение миссис Оливер опешила, глядя на нее. Значит, это – Селия... Она оставляла стойкое впечатление энергии и жизненной силы. У Ариадны возникло чувство, которое появляется не часто.

«Вот, – подумала она, – вот личность, которая знает, что ей нужно. Возможно, агрессивная, с нею может быть трудно, может быть, даже опасно. Одна из тех девушек, которые имеют цель в жизни, которые, может быть, готовы к насилию и применяют его для достижения цели. Но интересная. Определенно интересная».

– Заходи, Селия. Как давно я тебя не видела! Последний раз, насколько помню, на какой-то свадьбе. Ты была подружкой невесты. Помнится, на тебе было абрикосовое шифоновое платье и в руках большие охапки – не помню чего, кажется, золотарника.

– Вероятно, золотарника, – подтвердила Селия Рейвенскрофт. – Мы все тогда чихали от сенной лихорадки. Ужасная свадьба. Невестой была Марта Леггорн, не так ли? На подружках невесты были самые безобразные платья, какие я только видела. Определенно, я никогда не надевала ничего безобразнее!

– Да, они никому не шли. А ты выглядела лучше большинства, если можно так сказать.

– Приятно это услышать, спасибо, – сказала Селия. – Я тогда не лучшим образом себя чувствовала.

Миссис Оливер указала на кресло и достала два графина.

– Шерри или что-то другое?

– Лучше шерри.

– Тогда вот. Тебе, наверное, показалось довольно странным, что я вот так вдруг тебе позвонила.

– Да нет. Не вижу в этом ничего особенного.

– Боюсь, я не очень сознательная крестная. Люди чувствуют, что в какой-то момент их обязанности заканчиваются. Не то чтобы я действительно выполняла свои... Не помню, приходила ли я на твою конфирмацию.

– Я считаю, обязанности крестной – заставить выучить катехизис и кое-что еще в этом роде. Разве не так? И отвергнуть дьявола от моего имени, – сказала Селия с добродушной улыбкой.

«Она очень приветлива, – подумала миссис Оливер, – но в то же время и в некотором роде опасна», – и сказала:

– Что ж, я расскажу тебе, почему попыталась до тебя добраться. Дело несколько необычное. Я не часто хожу на литературные сборища, но так получилось, что позавчера посетила такое...

– Да, я знаю, – сказала Селия, – я видела что-то в газете, и там упоминалось ваше имя – миссис Ариадна Оливер, – и я даже удивилась, зная, что вы обычно не ходите на такие мероприятия.

– Да, и я даже отчасти жалею, что пошла на этот раз.

– Не понравилось?

– Да нет, в некотором смысле понравилось, потому что раньше я никогда на таких собраниях не бывала.

– Но случилось что-то неприятное?

– Да. И это странным образом связано с тобой. И я подумала... ну, подумала, что нужно тебе об этом рассказать, потому что случившееся мне не понравилось. Совсем не понравилось.

- Вы меня заинтриговали, – сказала Селия, пригубив шерри.
- Со мной заговорила одна женщина. Я ее не знала, и она меня не знала.
- Ну, я думаю, такое порой случается.

– Да, постоянно. Это одна из опасностей литературной жизни. Люди подходят к тебе и говорят: «Я так обожаю ваши книги, и я так рад возможности познакомиться с вами!» – и все такое.

– Я как-то работала секретарем у писательницы. Мне известно о таких вещах, и я знаю, как трудно это выносить.

– Да, и тут тоже было что-то в этом роде, но я была к этому готова. А потом вдруг ко мне подходит женщина и говорит: кажется, у вас есть крестная по имени Селия Рейвенскрофт...

– А вот это несколько странно, – признала Селия. – Вот так просто подошла и сказала? Мне кажется, она должна была подвести вас к этому постепенно. Знаете, сначала поговорить о ваших книгах, как ей понравилась последняя, или что-то в этом роде... А уж потом как-то перескочить на меня. Что она имела против меня?

- Насколько я знаю, ничего.
- Она моя подруга?
- Не знаю, – сказала миссис Оливер.

Возникла пауза. Селия сделала глоточек шерри и испытующе посмотрела на миссис Оливер.

– Знаете, вы меня довольно-таки заинтриговали. Не могу понять, к чему вы ведете.

– Ну, я надеюсь, ты на меня не рассердишься.

– С чего бы мне на вас сердиться?

– Ну, я хочу сказать тебе нечто – или пересказать нечто, – а ты можешь сказать мне, что это не мое дело и что мне нужно помалкивать об этом и никогда не упоминать.

– Вы разожгли мое любопытство.

– Она назвала мне свое имя. Ее зовут миссис Бёртон-Кокс.

– О! – Ее «О!» прозвучало особым образом. – О!

– Ты ее знаешь?

– Да, знаю, – сказала Селия.

– Ну, я так и думала, что знаешь, потому что...

– Почему?

– Из-за того, что она сказала.

– И что же? Про меня? Что она знает меня?

– Она сказала, что, возможно, ее сын собирается на тебе жениться.

Лицо Селии переменялось, брови поднялись, потом снова опустились, и она строго посмотрела на миссис Оливер.

– Вы хотите знать, так это или нет?

– Нет, – ответила миссис Оливер. – Не особенно. Я упомянула об этом просто потому, что она почти сразу сообщила мне об этом. Сказала, что поскольку я твоя крестная, то могла бы попросить тебя дать кое-какую информацию. Предполагаю, она подразумевала, что если я получу эту информацию, то передам ее миссис Бёртон-Кокс.

– Какую информацию?

– Боюсь, тебе не понравится то, что я сейчас скажу. Мне самой это не понравилось. На самом деле она вызвала у меня отвратительное чувство, я прямо вся содрогнулась, потому что это было... ну, такое страшное нахальство. Ужасные манеры. Совершенно непростительно. Она сказала: «Не могли бы вы выяснить, это ее отец убил ее мать или мать убила отца?»

– Так что она вам сказала? Попросила выяснить?

– Да.

– И она вас не знала? То есть кроме того, что вы писательница и пришли на это мероприятие?

– Она не знала меня совсем. Никогда меня не видела, и я никогда не видела ее.

– Вам не показалось это чрезвычайно странным?

– Не знаю, нашла ли я чрезвычайно странным то, что она сказала, но эта женщина потрясла меня, если можно так сказать, своей отвратительностью.

– О да. Она исключительно отвратительная женщина.

– И ты собираешься замуж за ее сына?

– Ну, мы обсуждали этот вопрос. Не знаю. Вам известно то, о чем она говорила?

– Ну, я знала только то, что, наверное, знает любой, знакомый с вашей семьей.

– Что мои отец и мать после возвращения из Индии купили себе дом в деревне, куда и уехали, и там прогуливались вместе по тропинке в скалах. И что их нашли там обоих застреленными. Рядом лежал револьвер. Он принадлежал моему отцу – у него, кажется, дома было два револьвера. И нельзя было понять, то ли это было самоубийство по сговору, то ли отец убил мать, а потом – себя, то ли мать убила отца, а потом – себя. Но вы, наверное, все это уже знаете.

– Я знаю это до известной степени, – сказала миссис Оливер. – Кажется, это случилось лет двенадцать-пятнадцать назад.

– Да, примерно так.

– И тебе тогда было лет двенадцать-четырнадцать.

– Да...

– Я мало знаю об этом, – сказала миссис Оливер, – меня тогда даже не было в Англии. Как раз в то время я совершала тур по Америке, читала лекции. Я просто прочла об этом в газете. Тогда пресса уделила этому большое внимание, потому что трудно было установить реальные факты – казалось, что для убийства или самоубийства не было никакого мотива. Твои отец и мать всегда были счастливы вместе и поддерживали хорошие отношения. Я помню, что это упоминалось. Я заинтересовалась, потому что знала твоих отца и мать, когда все мы были гораздо моложе, особенно твоя мать. Я училась с ней в школе. А потом наши пути разошлись. Я вышла замуж и уехала, и она вышла замуж и уехала – насколько помню, в Индию или куда-то в этом роде – со своим мужем-военным. Но она попросила меня стать крестной матерью для одного из ее детей. Для тебя. Поскольку твои родители жили за границей, я очень мало виделась с ними за все эти годы. И тебя видела лишь изредка.

– Да. Вы забирали меня из школы. Я помню. И давали мне что-нибудь вкусненькое. Да, вы вкусно меня кормили.

– Ты была необычным ребенком. Любила икру.

– И сейчас люблю, – сказала Селия, – но что-то нечасто мне ее предлагают.

– Я была потрясена, прочтя в газете о том случае. Там сообщалось очень мало. Я поняла, что был открытый вердикт¹². Никакого особенного мотива. Нечего предъявить. Никаких свидетельств о ссоре, никаких предположений, что убил кто-то третий. Я была потрясена, – сказала миссис Оливер. – А потом забыла об этом. Раз или два я задумывалась, что могло привести к этому, но, поскольку меня не было в Англии – как уже сказала, я тогда совершала тур по Америке, – все это вылетело у меня из головы. Только через несколько лет я снова увидела тебя и, естественно, не говорила с тобой о смерти родителей.

¹² Открытый вердикт – вердикт коллегии присяжных при коронере, констатирующий факт смерти без указания ее причины. – *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.